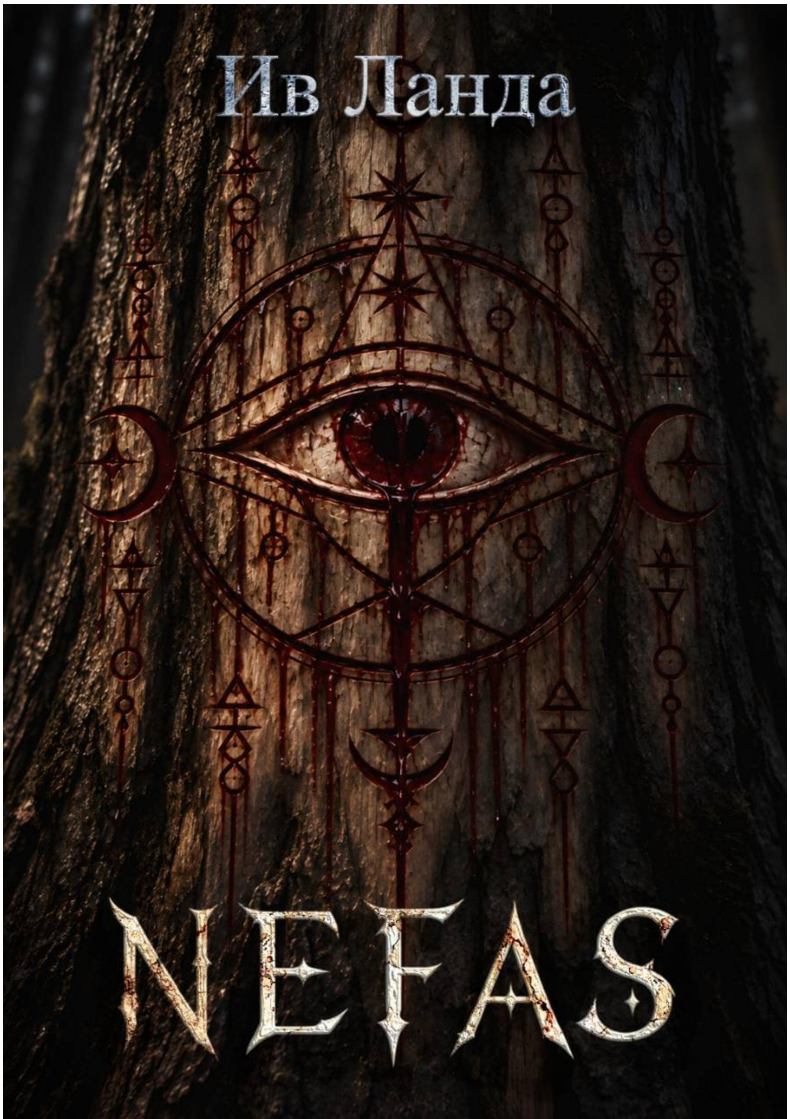
Ив Ланда
NEFAS

Ив Ланда
Nefas

https://litres.ru/75021143
SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти деда Мишель начинает замечать то, чего не видят другие. Сначала это кажется болезнью. Потом — безумием.

А затем становится ясно: хуже всего не то, что скрыто от человеческих глаз. Гораздо хуже — когда скрытое начинает смотреть в ответ.

Nefas (лат.; читается: «не́фас») — то, что противно священному или божественному закону; нечестие, святотатство, запретное деяние, преступление против установленного миропорядка. В латинской традиции nefas противопоставлялось fas — тому, что дозволено высшим, божественным законом.

Ив Ланда
Nefas

Его дед умирал тяжело. Долгая болезнь высосала из него все соки, сделала озлобленным и импульсивным. Мишель терпел его капризы мужественно и добросовестно ухаживал до самого последнего дня.

Лишь когда ему вручили урну с прахом, он наконец сумел осознать, что все закончилось. Больше не придется проглатывать нескончаемое недовольство, приправленное грубыми эпитетами, которые Мишель молча сносил исключительно из глубокого уважения к прошлому, где дед еще проявлял к нему привязанность и даже некоторое подобие любви.

Теперь квартира, где они проживали вместе, погрузилась в непривычную густую тишину, среди которой разве что едва уловимо тикали часы. И было в этом звуке что-то неуютно чужое.

Мишель предполагал, что ему просто нужно привыкнуть. Скорбь не отравляла его, а вот усталость накрыла исполинским цунами. Следует хорошенько выспаться, думал он, а после — погрузиться в учебу с головой. Ведь лучшее лекарство от навязчивых гнетущих мыслей — быть занятым.

Однако сперва предстояло исполнить последнюю волю усопшего. Дедушка так любил природу, что мог часами пропадать в лесу. Тот, к слову, откусывал город уже через улицу,

простираясь тесным темным полотном на километры.

В последнем письме дед велел внуку развеять прах на закате у берега небольшой реки. А привести к ней должна была тонкая тропинка, ответвлявшаяся от основной там, где стоял мертвый дуб.

И вот Мишель отправился в путь. В лес он вошел там же, где входят все — дорога не была скрытой, часто использовалась. Да и мертвый дуб нашелся без проблем — сложно было не заметить старое дерево, сплошь покрытое сучьями и узловатыми наростами, точно огромная кость, изуродованная экзостозами. Там Мишель свернул. Он углубился в чащу, доверился призрачной колее, виляющей между кустарниками.

Сам берег оказался крутым и резко обрывался к воде, а из его отвесных склонов торчали переплетенные корни черной ольхи. Шелест течения, казалось, останавливал время вокруг. Воздух здесь стоял неподвижно, сохраняя в себе запах рыбьей чешуи, а пение птиц из чащи доносилось приглушенно, словно его отделял от берега незримый кокон тишины.

— Значит, где-то здесь, — неуверенно выдохнул Мишель и посмотрел на мраморную урну, будто в ожидании подтверждения. Камень, конечно же, оставался безучастным. Да и не ждал юноша никаких знаков свыше. Чего таить — склонностью к мистическому мышлению он не отличался и религиозен не был.

Солнце уже покинуло небосвод, и пурпурные облака стремительно пожирались сумеречной серостью. Пока совсем не стемнело, молодой человек открыл урну. Где-то в той части сознания, где мысли рождались не целиком осознанно, пленкой плавало сомнение. Это ли место имел в виду дедушка? Правильно ли Мишель пришел? Все ли делает, как положено?

Хорошенько замахнувшись снизу, он выплеснул светлый пепел из урны в сторону реки. Облако взмыло тяжело и вот уже собиралось осесть на воду, как вдруг неожиданно сильный порыв ветра подхватил его и грубо швырнул в Мишеля. Прах облепил его черную толстовку, волосы, лицо. Но самым неприятным было не это. Даже не ощущение противной горечи на языке. А то, что пепел угодил ему в правый глаз и теперь раздражал слизистую, словно щелочь, попавшая в свежую царапину. Как бы Мишель ни тер, как бы ни пытался очистить веко послюнявленным платком, дискомфорт не пропадал, а, казалось, становился только сильнее.

Кое-как отряхнув одежду и очистив кожу, он побрел домой. Уже без урны — та осталась на берегу под ольхой, будто маленькое надгробие. На случай, если Мишелю захочется почтить память деда, хоть он скорее отрицал такую возможность, чем допускал. После кремации крепчало осознание того, что больше не придется цепляться за воспоминания о хорошем, лишь бы стерпеть несправедливую грубость настоящего. Накопленные обиды пробудились разом, встре-

пенулись и обзавелись статусом вполне оправданных. И плевать, что о покойниках не принято говорить худо — если вообще придется о нем говорить, Мишель твердо решил, что не станет кривить душой.

Сумерки размывали очертания деревьев. Темнота опускалась мягко, почти незаметно, как умелая ложь. Мишель уже вышел на широкую тропу и приближался к выходу. Он был расстроен. Нет. Он был почти в ярости — глаз продолжал слезиться и невыносимо щипал. Потерев его в очередной раз пальцами, парень тихо выругался себе под нос. И замер.

Ему показалось, будто сбоку, в тенях между ветвями кустарника, он видит лицо. Или, скорее, морду. За невольными слезами сложно было различить, кто там. Коза? Косуля? Серое животное имело широкие скулы и тонкие изгибы рогов. Только вот глаза у зверя располагались фронтально, как у человека. Казалось, они были водянисто-голубыми, и Мишель отчетливо чувствовал их пристальный взгляд.

Стоило юноше повернуться, чтобы рассмотреть внимательнее, как он понял, что он является натуральным идиотом. Никого здесь нет и не было — просто листва в полумраке, очертания которой воображение сложило в невиданный портрет. Самая обыкновенная парейдолия.

«Мой разум забит дерьмом, вот и мерещится всякое», — с таким рассуждением Мишель вышел под ржавый свет фонарей.

Впереди высились знакомые многоэтажные дома. Он шел

к ним в спешке, мечтая поскорее оказаться в ванной и промыть наконец несчастный глаз.

Во дворе злость немного утихла — здесь прошла половина его отрочества, на которое ему грех было жаловаться. Однако этим вечером детская площадка была пустой и навевала уныние. Редкие прохожие шаркали подошвами по асфальту, на который лениво наползал туман. Их присутствие вокруг было проще игнорировать, чем отмечать. Для Мишеля все они оставались тенями разных размеров и форм, проплывающими мимо то вперед, то назад.

В квартире Мишель выдохнул. Включив тусклый желтый свет в коридоре, он поспешил в ванную комнату, но неожиданно для себя остолбенел перед открытой спальней, в которой дедушка доживал последние дни. Его запах все еще обитал в ней. Возможно, он и вызывал это детское необъяснимое желание перепрыгнуть участок пола напротив черного прямоугольника дверного проема.

«Просто смешно», — Мишель фыркнул и нахмурился. Ему было двадцать, а не шесть. Подпускать к себе глупый, необоснованный страх он не собирался, а потому уверенно шагнул.

Глаз промывал он долго и тщательно. Закапал в него противомикробные капли на всякий случай, но дискомфорт никуда не делся. Так и лег Мишель спать, уповая на то, что к утру станет легче.

Легче не стало. Напротив — едва удалось разлепить рес-

ницы. Но в больницу юноша решил обратиться не сразу, а после лекции по философии. Он и так несколько дней учебы пропустил по семейным обстоятельствам — не к чему сердить преподавателей.

На конечной остановке, несмотря на очередь, Мишелю удалось урвать свободное место в левом ряду. Включив музыку в наушниках, он позволил себе расслабиться и сам не заметил, как провалился в сон. Толпа в салоне росла с каждой остановкой, но парня не будил ни шум разговоров рядом, ни покачивание транспорта. Его тяжелая голова склонилась вперед, уронив на лоб темные пряди, изрядно отросшие за последний месяц. Когда автобус повернул, Мишель уткнулся лицом в плечо пухлой женщины, сидевшей рядом у окна.

— Молодой человек! — возмутилась та. — Осторожнее!

Ее голос перебил соло электрогитары в ушах и выдернул студента в реальность. Плечи его резко расправились, а спина выпрямилась, вернув телу несколько сантиметров роста. Каким же чудовищно разбитым себя чувствовал Мишель… Как мучительно давалось моргание. Ему казалось, будто веки правого глаза раздулись, исцарапанные изнутри чем-то крохотным и колючим.

Ха, чем-то… Собственным дедом.

«Даже после смерти не упустил возможности причинить мне боль», — мысленно рыкнул юноша. Целый вихрь проклятий мгновенно взвился в его зачастившем сердце, но тут

же был подавлен непреклонной волей, в которой самолюбия было, пожалуй, не меньше, чем выдержки.

После очередной остановки в спрессованную толпу нагло втиснулась груженая сумками мадам. Лишь одного взгляда на нее хватило, чтобы распознать в ней чистокровную склочницу. Отметив это, Мишель уткнулся в телефон, всем своим видом готовый игнорировать хоть весь мир, если придется.

Пассажирка пробиралась все глубже в салон, пихаясь, просачиваясь сквозь тесные зазоры, как кошка. И когда она поравнялась с креслом, на котором сидел Мишель, тот краем глаза заметил тонкую детскую ручку, вынырнувшую из-под ее сумки и устремившуюся к его ноге. Он даже различил пять растопыренных пальчиков.

Рефлекс вынудил его быстро отдернуться, навалившись боком на все ту же пышную соседку. Женщина гневно вскинула брови.

— Да что ж вы липните! — чуть ли не взвизгнула она. — Я вам не мать!

Но на нее студент не смотрел. Все его внимание было обращено в сторону маленькой ручки, которая, разумеется, уже успела куда-то спрятаться. Откуда она могла взяться, если при пассажирке с сумками не было детей? Да и вокруг стояли и сидели исключительно взрослые люди…

Несколько раз болезненно моргнув, он вытер потекшую слезу чистым платком из кармана джинсов и только потом обратился к соседке. Тихо, почти шепотом, и не глядя.

— Прошу прощения. Я не нарочно.

В ответ он услышал надменное хмыканье, но Мишелю было все равно. Он не мог принять то, что только что увидел, а увидел он все слишком четко, чтобы списать на оптическую иллюзию.

Взгляд его медленно пополз от сумки вверх, к лицу ее владелицы. В тот миг противный холод заставил волосы на затылке приподняться: она смотрела ему в глаза. Пронизывала. Прожигала. Крайне презрительно, с таким отвращением, будто перед ней раздавили испанского слизня. В этом молчании, застывшем в складках у рта, читалось недовольство всем молодым поколением, существующим в городе, стране, да на всей планете.

Мишель выдохнул и вырос над неприятной женщиной, уступая ей место. Та уселась, закинула на колени обе ноши и даже не сделала вид, будто собирается сказать «спасибо».

Никаких детей в салоне.

«И что это было?»

Весь оставшийся путь к университету студент отчаянно пытался придумать объяснение, чтобы хоть как-то погасить растущую внутри тревогу, но тщетно. Объяснение существовало — иначе быть не могло — просто пока не приходило на ум. Такой ход мыслей немного утешал.

«Разумнее всего просто забыть об этом», — заключил Мишель, присаживаясь за стол в аудитории.

Солнце заливало помещение мягким золотом. Колышу-

щиеся у окон ветви то и дело водили тенями по светлым стенам. Но парню постоянно казалось, будто на его правую половину лица тень ложится как-то не так. Она казалась гуще и двигалась раздражающе живо. Когда он закрывал больной глаз, становилось легче: концентрация возвращалась, очертания профессора за кафедрой обретали резкость. Даже боль немного отступала. В таком состоянии он и пытался записывать конспект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.